Отца, пославшаго ихъ въ жизнь, ему люди представлялись ходящими во тьмѣ, такъ какъ они живутъ по закону міра, а не по закону Отца, Котораго не сознаютъ; люди казались ему неразумными и безумными. Но зла онъ никакого не видѣлъ. Если бы онъ увидѣлъ зло и постигъ тайну его, то онъ никогда бы уже не сказалъ, что легко исполнить до конца волю Отца природными силами человѣка, что добро можно побѣдить безъ искупленія зла. Толстой не видѣлъ грѣха, грѣхъ былъ для него лишь незнаніемъ, лишь слабостью разумнаго сознанія закона Отца. Не зналъ грѣха, не зналъ и искупленія. Отъ наивнаго невѣдѣнія зла и грѣха проистекаетъ и толстовское отрицаніе тяготы всемірной исторіи, толстовскій максимализмъ. Тутъ мы вновь приходимъ къ тому, что уже говорили, съ чего начали. Л. Толстой не видитъ зла и грѣха потому, что не видитъ личности. Сознаніе зла и грѣха связано съ сознаніемъ личности, и самость личности сознается въ связи съ сознаніемъ зла и грѣха, въ связи съ противленіемъ личности природнымъ стихіямъ, съ постановкой границъ. Отсутствіе личнаго самосознанія въ Толстомъ и есть въ немъ отсутствіе сознанія зла и грѣха. Онъ не знаетъ трагедіи личности—трагедіи зла и грѣха. Зло непобѣдимо сознаніемъ, разумомъ, оно бездонно глубоко заложено въ человѣкѣ. Человѣческая природа не добрая, а падшая природа, человѣческій разумъ—падшій разумъ. Нужна мистерія искупленія, чтобы зло было побѣждено. А у Толстого былъ какой-то натуралистическій оптимизмъ.

Л. Толстой, бунтующій противъ всего общества, противъ всей культуры, пришелъ къ крайнему оптимизму, отрицающему испорченность и грѣховность природы. Толстой вѣритъ, что Богъ самъ осуществляетъ добро въ мірѣ и что только не нужно противиться Его волѣ. Все естественное—доброе. Въ этомъ Толстой приближается къ Жанъ Жаку Руссо и къ ученію XVIII вѣка объ естественномъ состояніи. Толстовское ученіе о непротивленіи злу связано съ ученіемъ объ естественномъ состояніи какъ добромъ и божественномъ. Не противься злу, и добро само осуществится безъ твоей активности, будетъ естественное состояніе, въ которомъ непосредственно осуществляется божественная воля, высшій законъ жизни, который и есть Богъ. Ученіе Л. Толстого о Богѣ есть особая форма пантеизма, для котораго не существуетъ личности Бога, какъ не существуетъ личности человѣка и вообще никакой